18+

Леонид Масловский

НАШИ ПИСЬМА

Весточки из СССР
от любимых

Леонид Масловский

Наши письма. Весточки из СССР от любимых

«Издательские решения»

Масловский Л.

Наши письма. Весточки из СССР от любимых / Л. Масловский — «Издательские решения»,

В этой книге опубликованы письма 1970-х годов самых близких моих друзей: моих любимых жены и мамы, а также мои письма. Они рассказывают о том, как в то время жили, учились и любили люди из обыкновенной советской семьи.

© Масловский Л.
© Издательские решения

Содержание

Введение 6
Глава 1. 7
1.1. Записки из родильного дома, написанные Верой в 1969 году 7
1.2. Письма, написанные Верой в феврале 1970 года 10
1.3. Письма, написанные Верой в марте и апреле 1970 года 14
Глава 2. 18
2.1. Письма, написанные Верой в мае 1970 года 18
2.2. Письма, написанные Верой в июне и июле 1970 года 25
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Наши письма
Весточки из СССР от любимых

Леонид Масловский

Автор благодарит Казина Вячеслава Григорьевича
за помощь в издании книг, в том числе настоящей книги.

© Леонид Масловский, 2026

ISBN 978-5-0071-6896-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

В этой книге опубликованы записки из родильного дома 1969 года и написанные в 1970-х годах письма. Их можно назвать письмами о любви: и мои письма о любви, и письма моей необыкновенно доброй, голубоглазой, прекрасной жены Веры о любви, и даже письма моей мамы о любви к сыну, дочерям, внуку.

Моя жена сохранила часть писем — наших и моей мамы. В основном они написаны в тот короткий промежуток времени, когда она уехала с грудным младенцем, нашим сыном Сашенькой, домой к своей маме, а я приступил к работе над дипломным проектом.

Мне досталось проектирование авиационного двигателя тягой десять тонн. У двигателя должна была быть форсажная камера, и по заданию предусматривалась её работа не на керосине, а на криогенном топливе. После окончания всех расчётов двигатель в натуральную величину надо было начертить на ватмане. Работа предстояла большая и серьёзная, и поэтому решили, что Вера поедет домой, чтобы меня не отвлекать от работы над проектом. Кроме того, дома лучше условия, имеется помощь Вериной мамы по уходу за ребёнком.

И ещё, учитывая Верину хорошую память, отличные оценки по знанию английского языка, посоветовал Вере, которая имела среднее медицинское образование, поступать в Пятигорский педагогический институт иностранных языков, потому что работа с детьми являлась призванием моей жены. Моя мама обещала помочь при подготовке к поступлению. И вот в это время разлуки мы писали друг другу письма.

Тексты писем сокращены, чтобы не делать книгу слишком большой и не публиковать материал, не представляющий особого интереса. Очевидно, что в письмах в определённой степени раскрывается и человек, и время, в котором он живёт. Начинается книга с писем, которые присылала мне Вера. Мне читать их тяжело, каждое слово переживаю, но решил их опубликовать, чтобы все видели, каким прекрасным человеком была моя жена. В то время я называл свою жену Верушкой, и аналогично она часто обращалась ко мне, писав «Лёнушка».

С тех пор прошло много лет. Менее года назад мой ангел-хранитель, моя жена, моя Верочка умерла, а я продолжаю её любить и каждый день с замиранием сердца переживаю потерю любимой жены и раскаиваюсь, что при жизни совсем мало её хвалил и жалел.

Оставшиеся от Веры письма, которые очень дороги мне, как и письма моей мамы, могут представлять интерес для любого человека, который хочет знать правду об учёбе и жизни в СССР во время, когда после окончания Великой Отечественной войны 1941—1945 годов прошло всего двадцать пять лет.

Глава 1.
Верины записки из родильного дома и письма

1.1. Записки из родильного дома, написанные Верой в 1969 году

Вера в 1969 году две недели лежала в родильном доме города Рыбинска, в котором работала до ухода в декретный отпуск. Лежала долго, так как сын родился несколько преждевременно. В это время мы друг другу писали записки, письма.

«Ты счастлив. Я знала, что так и будет. Когда мне сказали: «сын», я заплакала от счастья и повторяла: «сын, сын, сын». Не представляю, как буду без тебя две недели. Уже тоже соскучала, а увижу тебя только через три дня и только в окно. Лежу на втором этаже в пятой палате. Ко мне все очень внимательны. Я так проголодалась, что с удовольствием съела суп, который принесли, выпила простоквашу. Лежу в палате пока одна, и это хорошо — одна со своей радостью, с мыслями о нём, о тебе. Как назовём? Я так ещё и не решила, потом решим вместе. Лёнушка, милый, ты измучался, отдыхай и не волнуйся. Очень люблю тебя и поздравляю с сыном.

Целую, обнимаю. Твоя Вера. 26.09.1969 г.»

«Лёнушка, родной мой, я так счастлива, что у нас сын. Смешной маленький мальчишка. Как родился, сразу закричал, а пока лежал в родильном отделении, всё попискивал. Такой крикун. Всё у него нормально, никаких дефектов. Носик широкий, похож на тебя. Я так счастлива, что даже не передать. Видно судьбе было угодно, чтобы он родился сейчас, так как неизвестно, что было бы потом (у него было обвитие пуповины вокруг шейки и истинный узел на пуповине).

Лёник, не волнуйся, я чувствую себя хорошо. Только немного устала, немного всё болит, но это естественно. Принесли цветы. Спасибо, милый. Хочется так много сказать, хочется увидеть тебя. Пишу лёжа, очень неудобно. Ты телеграммы домой ещё не дал? Родила я хорошо, быстро, без разрывов. Было очень больно, немного покричала. Лёник, сын у нас чудесный, и для такого срока вес два килограмма четыреста граммов и рост сорок пять сантиметров очень хороши. Если б я родила в срок, он был бы богатырём. Да он и так молодец».

«Лёник, прочла твою записку и письмо родителей. Мои роды будут для них неожиданностью. Конечно, преждевременные роды — это плохо, и, естественно, ребёнок будет слабее, чем обычно, но, при хорошем уходе, он в 6—7 месяцев по своему развитию не уступит доношенным детям. Так что, милый, не переживай, вырастим. Со мной рядом лежит женщина. Она родила первого ребёнка тоже раньше на месяц. Сейчас ему десять лет. Очень хороший мальчишка. А Череновы ничего не понимают.

Конечно, перед окружающими неудобно, но что поделаешь — это может случиться с каждым. Да, всё перемешалось: и радость, и грусть, и боязнь за его будущее. Лёнечка, потом его вообще могло бы не быть. Ведь узел на пуповине и обвитие — это очень опасно.

Значит, ты вчера отметил рождение сына и сообщил о рождении внука. Обязательно дай телеграммы моей маме и сестре. Денег осталось мало, а тебе надо хорошо кушать. Работа физическая требует много сил… Лёник, не приходи завтра, лучше отдохни. В понедельник

начнёте работать? Будь осторожен, ради бога. В понедельник я уже начну вставать, и смогу подойти к окну. Что-то побаливает голова. Напиши ещё, как ты себя чувствуешь.

Люблю, целую. Вера. 27.09.1969 г.

P.S.

Я хотела написать, чтобы взял коляску у Череновых, но если предлагает Володя, то бери у него. Дорого только, но хорошо, что её можно использовать и зимой, и летом».

«Вчера не могла написать — походила, ослабла, думала, напишу утром, а к ночи груди начали наливаться, сидела до часу ночи, сцеживала. Теперь это моя основная работа, которой сегодня и занимаюсь с самого утра. Очень больно, до груди невозможно дотронуться. Сижу, сцеживаю, а слёзы капают. Наше молоко забирают в детскую. Сегодня приходила врач и сказала, что довольна нашим малышом. Потом с ней разговаривала отдельно. Она сказала — кормить, и всё будет хорошо, оснований для беспокойства нет.

Лёник, это действительно счастье, что у нас сын, и я сделаю всё, чтобы ему было хорошо, чтобы он был здоровеньким. С каждым днём мне он всё роднее и кажется самым красивым. А носик кажется большим, потому что личико само по себе небольшое, потом всё исправится. Он может улыбаться, зевать, чихать. Спрашивала, говорят, что все функции работают нормально. Приносили кормить, и я расстроилась, почти не сосал. Спит и спит, как только не будила. В детской-то его накормят, вот он и спит. Мне действительно тяжело от того, что он лежит в детской и неспокойно на душе: всё кажется, что он плачет, а к тому, что говорят, отношусь недоверчиво. Что значит стать матерью, сразу становишься мнительной.

Я сегодня чувствую себя неважно. Всё болит. Помнишь, говорила, что немеет нога. Сейчас то же самое. Сказала врачу, он ответил: «Всё пройдёт». Лёник, не приноси так много, не надо тратиться. Мне эти два дня пить много нельзя, потому что молока прибывает много, трудно справляться. Лёнечка, таз покупать не надо, в нём неудобно купать. Уж лучше купить цинковую ванну. Хорошо, что сделал полку. Бедный ты мой, сколько тебе хлопот. Беспокоюсь о твоём здоровье. Ради бога, ешь сам хорошо и на работу одевайся потеплее. Я согласна с тобой в отношении разговоров о рождении (не надо говорить, что родился преждевременно)…».

«Я тоже лежу и занимаюсь выяснением причин преждевременных родов. В голове только эти мысли. Кого ты слушаешь и кому веришь. Людям, которые ничего толком не знают. В том, что пуповина обвилась вокруг шеи и завязался узел, моей вины нет… Лёня, сейчас принесут малыша, поэтому я писать заканчиваю. Завтра напишу ещё. Молоко появится, не беспокойся. Грудь он берёт очень хорошо. Главное, чтобы было молоко, тогда он быстро начнёт прибавлять в весе и расти».

«Купи мне в аптеке молокоотсос, он мне может пригодиться. Купи комнатный термометр и для измерения температуры воды — это всё есть в аптеке. Завтра ничего из еды не приноси, можно только молоко или сливки. Не надо искать виновных и паниковать. Я верю, что всё будет хорошо. Ну, мне пора, сейчас придут мыть руки.

Всего доброго. Целую. Вера».

«Добрый день, мой хороший. Как ты там без меня? Что делаешь? Отдохнул? Я вчера весь день так и не смогла уснуть. Всё произошло так неожиданно. До сих пор не могу опомниться. Дома не успела ничего сделать — главное, не постирала и не приготовила для тебя ничего. Придётся есть в столовой. Кушай хорошо, отдыхай пока без нас. Сейчас приходила детский врач, сказала, что ребёнок хороший, активный, завтра утром принесут кормить. Жду не дождусь, хочется на него посмотреть, молочка-то ещё не будет. Лёнушка, у нас ведь ничего не готово, придётся тебе всё делать одному…».

«Здесь так скучно лежать. Хочется домой, к тебе. Соскучала уже, а впереди ещё две недели. Странно сознавать, что ты где-то рядом и не видеть. Чувствую себя неплохо: чуть-чуть болит голова и низ живота. Лёнушка, принеси, пожалуйста, мне одеколон, зубной порошок и что-нибудь почитать. Можешь физику (теплоту) или „генетику“. Из продуктов — фрукты, молочные продукты и что-нибудь сладкое, а то здесь большие перерывы между едой, хочется есть. Особенно хочется яблок. Только мой их, пожалуйста, дома, пока я не хожу, а потом уже сама буду мыть. Много не приноси. Лёня, дай телеграмму Наде».

«Я верю, что всё будет хорошо, и он будет умным, здоровым ребёнком. Не приходи завтра, устанешь ведь, отдыхай. Мне пока ничего не нужно. Маме постараюсь написать. Возвращаю книги, так как читать некогда и считаю, что надо читать что-нибудь одно. Остановилась на «генетике». Лёнушка, я тебя тоже очень люблю и скучаю. Скоро увидимся.

Целую. Вера».

1.2. Письма, написанные Верой в феврале 1970 года

«Лёнечка, милый, добрый вечер. Вот второй день я дома, а на душе неспокойно. Всё думаю о тебе. Как ты там? Как себя чувствуешь? Не знаю, как ты, а я, хотя меня и окружают близкие люди, очень остро чувствую разлуку. Лишь одно воспоминание о тебе вызывает слёзы. Кажется, что мы никогда не ссорились и всё время жили хорошо, а в плохом обвиняю себя. Очень не хватает тебя, в голову лезут всякие мысли. И хочется верить, что тебе так же тяжело. Сейчас одиннадцатый час. Сашуля спит после кушанья, а я вот пишу…

В три проснулась и начала собираться, разволновалась. И вот родной город. Раннее, раннее утро, на небе ещё не погасли звёзды, деревья в инее, чуть-чуть морозно, и всё вокруг такое знакомое, близкое, что хочется плакать.

Встретили нас твой отец и моя мама. Можешь себе представить, что это был за день: шум, гам, у меня голова кругом. Приходили Людочка с Ниночкой. Чудесные девчонки. Люда похудела, повзрослела, но всё такая же симпатичная. Ниночка всё поправляется, вся такая крепенькая, как камешек. Обе, как сороки: обо всём спешат рассказать, обо всём спрашивают… Вечером пришли родители. Сашуля опять спал. Такой соня, спит и спит. У моей мамы был день рождения. Она немного подготовилась, посидели, выпили шампанского, поговорили. Твоя мама всё о тебе расспрашивала, о здоровье, а когда проснулся Сашик, его носила и всё говорила отцу: «Пётр, посмотри». Меня нашли похудевшей и помолодевшей. Мама сказала, что когда она приезжала, то я выглядела, конечно, лучше. Всем очень понравились твои грибы, особенно отцу… Говорили о моём поступлении в институт.

Знаешь, Лёник, вчера совсем неожиданно попала на вечер, верней, вечеринку. Уже в десять часов вечера зашли девчонки поздравить маму с днём рождения и вдруг увидели меня. Оказывается, в школе был вечер встречи с выпускниками… Они мне сказали, что собираются у Вали Гончаровой и пригласили меня. Я долго не решалась, а потом всё-таки согласилась… Нас было одиннадцать человек: семь девчонок и четверо ребят. Всё было хорошо: смех, шутки, музыка, разговоры… Мелик-Гусейнов уже получил диплом, и его направляют в Тамбов работать. Все другие тоже заканчивают институты в этом году. Матвеева, умная девчонка, так и не поступила, да и в жизни не повезло. Валя Гончарова разочарована во всём. Людмила Подцебнева тоже — с Игорем у них не ладится. Люба всё толстеет и нигде не учится. Матвеев умный, серьёзный. Мальцев — дурак, ужасно невоспитанный и нетактичный… Все становятся самостоятельными, независимыми и понемногу меняются… Молока стало больше, появился аппетит. Мама всё делает сама, а мне говорит: «Отдыхай»… Уже жду письма, хотя здесь лишь второй день.

Целую, Вера. Привет от мамы. 03.02.1970 г.»

Вот за эту вечеринку отчитывал мою голубушку. Вера пишет, что лишь одно воспоминание обо мне вызывает слёзы. И у меня в настоящее время одно воспоминание о моей жене вызывает слёзы, а вспоминаю её целыми днями постоянно.

«Лёнушка, родной, здравствуй. Получила оба твоих письма, которые уже ждала на второй день после приезда. Лёник, конечно, когда остаёшься один, то чувствуешь разлуку в три раза сильнее. Но это пройдёт. Человек действительно ко всему привыкает. А молчать и хранить всё в себе не надо. Ты пиши и будет легче, хотя обо всём написать невозможно. Вот уже сколько дней, а я всё не могу привыкнуть к тому, что тебя нет рядом и долго ещё не будет. Ты мне тоже снишься. Один сон был очень странный: идём мы по полю навстречу друг другу, а расстояние между нами остаётся прежним. Я протягиваю руки, кричу: «Лёня, Лёня!», а ты вдруг поворачиваешься и уходишь. Я бегу за тобой и кричу, а ты уходишь, и вдруг я куда-то

падаю и просыпаюсь. Нехороший сон — после него какое-то чувство, как будто что-то теряешь. Потом ещё снился ты и курсовой по технологии, как будто я кого-то просила его сделать.

Лёнечка, милый, живу в неизвестности: как ты там? Как чувствуешь себя? Много ли сделал по курсовому проекту? Как практика, нравится? О нас не беспокойся. Сашуля наш — чудо. Ходили сегодня к врачу. Малыш понравился… Днём лежит «агукает», улыбается. Я ему теперь одеваю ползунки и рубашечку, так что ножки и ручки свободны. Он в них такой славный, а когда начинаю пеленать, сердится. Купаем так же каждый день. Мама всё делает сама. Времени заниматься достаточно… Может быть, удастся ещё устроиться на подготовительные курсы. С девятого февраля начинаются занятия… Через проспект Калинина сделали подземный переход от улицы Новороссийской там, где Детская поликлиника. Приходили мама и отец. Хотят купить детскую коляску. Лёня, я не хочу сейчас говорить ни о себе, ни о своей маме… Но она человек хороший. И не моя вина в том, что я такая. Но мне очень хочется быть другой, достойной тебя. Хочется, чтобы у нас всё было хорошо…

Целую. Вера. 06.02.1970 г.»

Сердце замирает от того, какая славная была у меня жена. Второй такой девушки не существовало, и мне досталась в жёны такая лапушка. Вчера моя сестра Галина в разговоре по телефону сказала, что если бы я не женился на Вере, то больше никогда бы не нашёл девушки с таким проникновенным голосом и такой необыкновенной добротой. В одном из двух полученных Верой писем писал, как вернулся в Рыбинске домой, после проводов её с сыном в Москве, и как мне стало тяжело одному. Но в другом ругал её и её маму за вечеринку, а Вера мне отвечает не злом, а тактично пишет, что хочет, чтобы у нас всё было хорошо. Она была чистой, обворожительно доброй девушкой и осталась такой же женщиной. Могла бы не писать мне про вечеринку, но она написала, так как не чувствовала за собой никакой вины. Это не ей, а мне надо было долго расти, работать над собой, чтобы быть достойным её.

«Лёник, добрый день. Уже поздно, и я очень устала, но хочется с тобой посоветоваться. Дело вот в чём: на подготовительные курсы меня берут, но они занимаются с октября. И теперь мы думаем, что лучше, что больше даёт знаний: подготовительные курсы или репетитор. Если репетитор, то я буду, конечно, лучше всего знать английский язык (что и требуется), а если подготовительные курсы, то мне будет легче подготавливаться и по другим предметам. Занятия бывают три раза в неделю по две пары, например, английский язык и история, английский язык и русский, английский язык и литература. Языку тоже основное внимание. По истории читают лекции, по другим предметам рассказывают, задают на дом, а потом все присутствующие участвуют в уроке: разбирают предложения, читают, пересказывают. Это всё хорошо. Правда? Меня беспокоит то, что они уже половину повторили. Курсы десятимесячные, с октября до июля. Насчёт курсов договаривалась твоя мама. Вообще она принимает активное участие в моём устройстве, но в то же время сомневается поступать или нет… Настроение какое-то нехорошее. На душе неспокойно, наверное, от неопределённости. Волнуюсь и за тебя, и за себя.

Вчера дедушка купил Сашику коляску. Коляска великолепная! Польская. Смотрится очень богато. Стоит 53 рубля. Огромная, настоящая карета. К ней имеется приставка, чтобы летом сделать её открытой. Купил в воскресенье ванночку, такую, как была у нас, только желтоватого цвета. Сказал: «Будете уезжать, вернёте, у меня ещё будут внуки». Саша в последние три дня ведёт себя неспокойно, часто просыпается, кричит.

Целую, Вера. Большой привет от мамы.

P.S. О Сашуле написала мало. Лёник, не волнуйся, он здоров. Когда в хорошем настроении, подолгу лежит спокойно и «гулит», улыбается. Очень любит, когда с ним разговаривают, всё больше начинает понимать. Ручками сам ещё игрушки не берёт. Кушает хорошо, на улице всегда спит. Лежит такой славненький, беленький, реснички длинные и загибаются кверху, только ещё светлые. Всё время держим в комнате развёрнутым, и он к этому уже привык.

Людмила Александровна купила девочкам и мне авторучки, а ещё купила материал бостон на юбки. Авторучка очень нравится, пишет хорошо, расцветка приятная».

По-моему, ответил, что надо ходить и к репетитору, и на курсы, так как осталось мало времени на подготовку. Как видно, родители мои заботились о Вере и о внуке. Возможно, Сашуля заболел воспалением лёгких и попал с Верой в больницу из-за лежания в комнате развёрнутым.

«Добрый вечер, Лёня. Всё время, сколько здесь живу, меня преследует какое-то тревожное чувство. На душе очень неспокойно и за тебя, и за нас всех, и в целом за будущее. Мучает неопределённость, всё кажется ветхим, шатким. Сейчас для меня главное — поступить в институт, но много всяких связанных с этим сомнений… Я понимаю, что ты очень занят и поэтому не ропщу… Мама и Ниночка в восторге от Сашули, и, как придут, то тормошат его вовсю, а он улыбается, такой довольный. Сашуля наш прелесть: подрос, волосики длинные, светленькие, мягкие, как пушок, пальчики на ручках длинненькие, красивые… Всё время ходила на подготовительные курсы и теперь могу сказать, что польза от них есть… Я учу то, что задают, и повторяю то, что мною пропущено, но времени на учёбу остаётся мало, Когда мама стирает, готовит или уходит на рынок, в магазин или молочную кухню мне надо быть с Сашулей. Он ведь не может долго лежать один, ему нужно общество. Любит, когда с ним разговаривают, гремят игрушками. Если б ты видел его, какой он забавный! Чудо!.. Подруги приходят, и я им рассказываю о наших походах, о Ярославле, Рыбинске, Ростове. Они слушают с интересом и говорят: «счастливая», и, наверное, завидуют, а меня переполняет чувство гордости и превосходства — всё-таки я кое-что видела. Я и правда счастливая… Ох, если бы ты знал, как тяжело сознавать, что знаешь мало, очень мало, что человек ты неинтересный, скучный. Я не могу обещать, что буду другой, но мне очень хочется быть лучше.

Я тебе не ответила на твоё «разгромное» письмо. Рассердилась. Я способна понять тебя, твои чувства, но почему ты никогда не можешь понять меня. Ты пойми, школа — тоже родной дом, ведь они мои одноклассники, не чужие люди. Мы вместе учились, дружили, а ты всё утрируешь. Всё!.. Твоя мама помогла устроиться на подготовительные курсы, поговорила насчёт репетитора, и я очень благодарна ей за это. Кстати, жена ректора в дальнейшем в моей судьбе никакой роли играть не будет… И мои, и мамины знакомые — ничто, в том смысле, что они ничего сделать не могут непосредственно для поступления в институт. Нужны только знания, а больше ни на что надеяться нельзя… Я всё прекрасно понимаю без тебя, и нечего мне читать лекции. У тебя просто страсть, болезнь, и если ты не прочтёшь нравоучений, то будешь неудовлетворён, болен… Что ты требуешь от меня? Я хожу на курсы, занимаюсь дома, вожусь с ребёнком. Что я ещё сейчас должна, по-твоему, делать? И ты ещё упрекаешь меня за то, что гуляю с ребёнком один-два часа в день… Стыдно тебе так писать. Пока всё. Уже полвторого ночи.

Вера. 21—22 февраля 1970 г.»

Обидел свою жену, и мне действительно сейчас стыдно и больно, что обижал такого ангела. Вера считала себя человеком неинтересным, скучным, а я не внушал ей обратного, а как бы поддерживал такое мнение. Это сегодня меня очень мучает. Моя жена совершенно права, когда пишет, что при поступлении в институт может рассчитывать только на свои знания, так как ни у моей мамы, ни у её нет никакой возможности повлиять на поступление. Действительно, Вера поступила в институт сама, без всякой помощи в части поступления. Помощь заключалась в другом: Верина мама помогала тем, что нянчилась с Сашулей, приготавливала пищу, стирала бельё, а моя мама — тем, что помогала подготовиться к поступлению в институт.

Ещё хочу обратить внимание на то, что в то время в стране существовали детские молочные кухни, куда родители сдавали пустые бутылочки, а получали готовую смесь для кормления грудных детей, и я не помню, чтобы за эти смеси платили деньги. А детское питание было све-

жее, очень высокого качества. Вера кормила Сашу грудным молоком, но по мере роста ребёнка с определённого периода его надо подкармливать.

1.3. Письма, написанные Верой в марте и апреле 1970 года

«Лёник, добрый день. Сегодня первый день весны, а погода не весенняя — туман, холодно, и настроение подстать погоде. Лёнушка, твои последние письма такие чудесные, и я счастлива, когда их получаю, и хочется верить, что всё именно так, как пишешь… Это письмо в основном хочу посвятить нашей малявочке. Двадцатого февраля в пятницу услышала, что Сашуля покашливает… Я тебе в тот день писала письмо и написала обо всём, но твои родители посоветовали пока не писать о Сашуле. Да я и сама боялась писать, так как знаю, какой ты беспокойный и мнительный, разволнуешься, будешь думать, а тебе надо работать, заканчивать курсовой… В понедельник мама утром вызвала врача. Она пришла, посмотрела, послушала Сашулю и направила в детскую больницу… Я страшно расстроилась, и весь день проревела — было жалко и Сашулю, и себя. Сашулю за то, что заболел, бедненький, а себя за то, что придётся пропустить занятия на курсах и вообще потерять много времени, а до экзаменов осталось всего — ничего. Обидно! Не могла себе простить, что не уберегла, не досмотрела… И вот, Лёнечка, мы с понедельника в больнице. Полежали в коридоре, а на следующий день нас перевели в палату. Сразу назначили лечение… В первые дни болезни был немного вялый, невесёлый, а теперь опять улыбается, играется, уже сам берёт игрушки ручками, тянется, чтобы взять, треплет меня за волосы и за уши, когда наклоняюсь, смеётся вовсю, когда щекочу своим носом ему грудку или целую голенькое тельце… Лёнушка, милый, очень прошу тебя, не волнуйся и не ругай меня очень сильно. Я и так здесь измучилась, первые дни всё плакала, потом немного успокоилась. Что же сделаешь теперь, надо лечить. Сегодня у меня были и моя мама, и Людочка с Ниночкой, и мама с папой. Моя мама ходит каждый день, а Людмиле Александровне звоню на работу, рассказываю о Сашуле и лечении.

Я здесь сама разболелась, ходила с температурой. Сейчас уже лучше. Каждый день ставлю Сашуле горчичники, один раз ставили баночки. Очень хорошо помогает. Лекарства пьёт лучше всех. Ужасно жалко, когда два раза в сутки делают уколы. Плачет, бедненький, но успокаивается быстро… Наш малыш не отстаёт в развитии. Мне ещё сказали: «Такая миниатюрная мама родила такого богатыря»… В пятницу врач сказал, что стало гораздо лучше, чем было. Да я и сама вижу, что лучше, по Сашуле видно. Главное, спит он хорошо. Засыпает в восемь часов вечера, просыпается в десять-одиннадцать часов, а потом спит до утра. И днём спит хорошо. Вот первую ночь я измучилась и он тоже: поспит минут десять-двадцать и просыпается. Всю ночь ходила, качала… Сплю рядом с его кроваткой на креслах, хотя для матерей есть отдельная комната, где они спят и кушают.

Сейчас уже первый час ночи. Все детишки и мамы спят. Я тоже буду заканчивать. Хорошо, что написала, а то вся измучилась, словно камень был на душе… Я поэтому долго и не писала. Лёник, родной, я тебя ещё раз прошу: «не беспокойся, не паникуй». И будь умницей, не ругай меня очень. Я сама всё понимаю и знаю, что виновата, итак вся изнервничалась и похудела ещё больше, а мне кормить надо, за институт душа болит и за тебя. Ты тоже устал, бедный, спишь мало. Дай бог тебе сил всё выдержать. Лёник, на сегодня всё.

Целую, Вера 01.03.1970 г.»

Плакать хочется от любви и нежности к такому милому созданию, какой была моя жена, моя Верушка. Она пишет от души и жалеет от души даже тогда, когда сама измучилась до предела. А о больнице скажу русской поговоркой: «Не красна изба углами, а красна пирогами». Лечили в советских больницах хорошо. Врача из поликлиники можно было вызвать на дом, талоны давали всем пришедшим в поликлинику к врачу, и врач не уходил, пока не примет всех больных, записавшихся к нему на приём.

«Добрый день, Лёник. Наконец-то собралась написать, а обещала писать каждый день. Каюсь и попробую оправдаться. Я тебе уже писала, что плохо себя чувствовала и ходила с температурой, а на этой неделе всё это сказалось. Я так за день уставала, что к вечеру мечтала только о сне. И потом, я здесь совсем не могу писать… Сегодня просто замечательный день. Во-первых, врач сказала, что всё хорошо для одиннадцати дней, которые мы здесь лежим, другие лежат по месяцу, хрипов совсем не осталось. Во-вторых, сегодня отменили уколы, а значит скоро домой. Завтра пойдём последний раз на УВЧ. Просила отпустить домой, сказала, что сама медик и что мне надо заниматься, но они и слышать ничего не хотят… Сашуля подрос, весит семь килограмм сто грамм. Уже твёрдо стоит на ножках, когда его поддерживаешь. А меня как только увидит, так улыбается… Одна женщина взяла надувного козлёнка и стала подбрасывать, а когда он опускался на стол, то получалось, что он подпрыгивает. Сашуля начал смеяться громко, заливисто. Я впервые слышала, как он смеётся… Сегодня приходили моя мама и твоя. Спускалась вниз, поговорили через стекло… Мама сегодня принесла утром одно письмо, а потом, вечером, другое. Первое заставило поплакать, так как несправедливое, а второе — успокоило… Завтра восьмое марта — праздник, а совсем не чувствуется…

Вера. 6—7.03.1970 г.»

С такой жены надо пылинки сдувать, а я заставлял плакать. Нет в ней ни тени притворства. Вся она чистая и светлая, и она всё понимала.

«Лёнушка, родной, хороший мой, добрый вечер. Наконец-то мы с Сашулей дома, наконец, тишина, и я могу теперь спокойно писать тебе письма. Вчера получила от тебя письмо и сегодня два. Три письма и такие разные, и все мне дороги, и даже то, в котором ты «громишь» меня. И поделом. Прости, милый. Я сама чувствовала, что расшумелась не в меру, но не могла уже остановиться, так как мной овладело какое-то дурацкое возбуждение… Только мы пришли домой из больницы, как приехали Милаевские всем семейством и уехали сегодня утром… Можешь представить, какая у нас была теснота, но недаром говорят: «в тесноте, да не в обиде». Зато шумно и весело. В субботу вечером прибегала Ниночка, а в воскресенье приходили родители. Были у нас и сегодня. Мама сказала, что приходил тот мужчина из института, завтра я пойду в аптеку, и он отведёт меня к репетитору. Сегодня ходила на подготовительные курсы и поняла, что отстала от всех. Очень устала. Не знаю, хватит ли сил, мало времени, но попытаюсь подготовиться, не хочу отступать. Очень благодарна твоим родителям, они много помогают, и я чувствую себя перед ними неловко. Особенно жалко маму — ей, бедной, больше всех достаётся. Ниночка собирается ехать на каникулах в Москву, Людочка не показывается совсем.

Очень хочется увидеть тебя, очень. Но об этом можно только мечтать. Ты обещал приехать, Лёник, и это было бы чудесно, но я боюсь, не отразится ли это на подготовке дипломного проекта. Столько расчётов, столько чертежей, всё время без отдыха. Ну, ничего, милый, всё будет хорошо… Конечно, весь твой пессимизм от недовольства собой — мимолётное настроение и выдумки. Всё это от одиночества, усталости, неопределённости. У меня тоже такое бывает. Недовольство собой — это хорошо в какой-то степени, так как позволяет посмотреть на себя со стороны и подтянуться. А я сейчас живу только Сашулей, мечтой о встрече с тобой, об институте, верю во всё хорошее, надеюсь на удачу. Мне некогда унывать, так как весь день то вожусь с Сашулей, то занимаюсь и к ночи так устаю, что сразу засыпаю. Ты говоришь, спи восемь часов, но никак не получается, потому что ложусь поздно, а просыпаюсь в шесть-семь часов. Но бывает, что не могу подолгу уснуть… Лёнушка, ты не сердись, что редко пишу. Я понимаю, как тебе нужны письма из дома, от меня, ты ими живёшь, правда? Но пойми, ты один, тебе легче взять, сесть и написать, а мне это не всегда удаётся. Лёник, ты позволяй себе отдыхать хотя бы по воскресеньям, а то ведь тебя не хватит. Как ты себя чувствуешь сейчас?

Берегись, старайся не простывать. Я простыла после переговоров, когда шла в больницу… Лёник, ты, пожалуйста, сходи за характеристикой. Сначала позвони, узнай.

Целую, Вера. 16.03.1970 г.»

Как много в моей жене душевного тепла, идущего от самого сердца, и какая она умница: более двадцати дней пролежала в больнице и нашла в себе силы и способности подготовиться к экзаменам для поступления в институт.

«Наконец, к нам пришла настоящая весна. Стоят прекрасные тёплые дни. Светит яркое солнце, дует лёгкий весенний ветерок, и воздух пахнет как-то по особенному. Люди несут первые весенние цветы. Иной раз так хочется просто выйти из дома, подставить лицо солнышку и погреться в его лучах, но, увы, нет времени. Я сейчас, как никогда, чувствую время и жалею, что в сутках всего двадцать четыре часа. Осталось два месяца, а я в основном занимаюсь английским языком. Не было бы Сашули, я бы спокойно сидела и занималась, а он требует к себе внимания. Его надо или носить на руках или сидеть возле него, играть с ним, разговаривать. Вот тогда он будет молчать. Такой хороший малыш стал, подрос, немного поправился… Спит уже с развязанными ручками, особенно хорошо спит, когда кладу на бочок: ручки сложит возле личика и такой славный лежит. Кушает хорошо, а когда есть захочет и увидит бутылку с кашей или с другой едой, то тянет ручки, возьмёт бутылку и тянет в рот соску. Понимает же, такая малявочка.

Купила ему несколько ползунков и игрушек. Любит играть, всё рассматривает вокруг, особенно ему нравятся занавески на дверях, смотрит на них, возьмёт ручкой, теребит и «воркует». Со здоровьем у него не плохо, но бледненький. Сейчас тепло, мама гуляет с ним полтора-два часа в день… Сегодня были родители и Людочка. Проводили Ниночку в Москву и зашли. Отец сказал, что будет давать мне тридцать рублей в месяц. Лёник, скажи им, чтобы этого не делали. Они и так нам очень хорошо помогают, и мы благодарны им, нам ведь хватает, питаемся мы хорошо. Недавно была у вас дома, мама, наверное, тебе писала, что купили сервант. Великолепная вещь. Вид очень богатый.

Как придут, все Сашулей занимаются. Видно, что привязались к нему и очень полюбили… Женщина (репетитор), с которой буду заниматься, приятная, даёт материал хорошо — это с первого взгляда, дальше не знаю, как будет. Сама она ведёт заочное отделение, и это очень хорошо, сможет помочь… Заниматься буду два раза в неделю, во вторник и четверг, в пять часов вечера по часу, оплата, как у всех. Задала очень много, дала читать книгу «Принц и нищий» на английском языке. Она очень лёгкая, и я её читаю почти без словаря. Не знаю, как буду успевать и к ней, и на курсы. Видишь, у меня все дни загружены. Приедешь, испугаешься — кажется, я ещё больше похудела, глаза совсем провалились. Ну, ничего, мне бы поступить, потом отдохну… Ну и город у нас! Почти все друг друга знают, всё достают, одеваются лучше, чем в Москве, богато, со вкусом, особенно девушки из института… Так хочется хорошо одеваться… Лёнушка, ты прости меня за то письмо, за то, что обидела тебя. Ты прекрасно знаешь, что я очень люблю тебя, и что дороже тебя и Сашули у меня во всём белом свете никого нет.

Целую, Вера. 21.03.1970 г.»

Вот какая Вера трудолюбивая, целеустремлённая. Замечательная мама и прекрасная жена. Ей хотелось и себе, и всем доказать, что она способна поступить в институт. Она не только при подготовке к поступлению в институт, но всю жизнь не жалела себя и стремилась взять на себя часть забот своих родных. А сколько в ней скромности, доброты! Как верно она понимает происходившие события! Как нежно любит сына!

«Лёнушка, добрый вечер. Сейчас только была у мамы в аптеке, долго разговаривали. Дело в том, что пошла на курсы, а они не состоялись, так как преподаватели были заняты. Я решила сходить к твоей маме. Всё о тебе говорили, о твоём здоровье, о приезде. Все ждём. У меня

зуб сломался… Папа сразу сказал, что даст на коронку золото, но они решили сделать белую коронку… Никто не хотел делать до праздника, и к частникам с моей мамой ходили. В конце концов, повезло, что женщина-врач в поликлинике согласилась, и теперь я немного успокоилась. Двадцать девятого апреля должно быть всё готово. Чувствую себя неважно: голова побаливает, кружится, подташнивает. Устаю. Стоит немного отдохнуть, и всё пройдёт. Сегодня город весь в огнях, на улицах шумно, люди гуляют, празднуют «Юбилей»… Сашок стал таким толстяком, загорел! Просто чудо! Больше ни о чём писать не буду, не сердись. До скорой встречи. Не верится, что через недельку, всего через семь дней увижу тебя. Доброго пути, мой хороший.

Целую, Вера. 22.04.1970 г.»

Двадцать второго апреля день рождения В. И. Ленина, под руководство которого два года сражались с интервентами и их наёмниками — Белыми армиями, победили и собрали в виде СССР разваленную Западом российскую державу. Если бы не эта победа, то мир давно уже забыл бы, что на земле были государство российское и русская нация.

Печатаю, и очень жалею мою ненаглядную. Много на неё обрушилось забот и в связи с подготовкой к поступлению в институт, и в связи с нахождением в больнице с Сашулей. Много потрачено сил, нервов, бессонных ночей, а тут ещё в самый неподходящий момент сломался зуб. Напрасно она так переживала — для меня его отсутствие или наличие не имело особого значения. Невозможно не обратить внимания, что и моя мама, и мой отец были людьми не жадными.

Глава 2.
Последующие Верины письма

2.1. Письма, написанные Верой в мае 1970 года

«Вот опять я одна, хочется плакать. Зачем люди придумали разлуки? День прошёл, а я ничего не сделала. Завтра идти к репетитору. Не могу ни за что взяться. Получила телеграмму и немного успокоилась. Слава Богу, что долетел благополучно. Наверно плохо тебе было, ведь полетел голодный совсем.

Лёник, ты не видел нас из окна самолёта? А мне казалось, что видела тебя в одном из окон. Сначала мелькали цветы, а потом кто-то долго махал рукой. Я почему-то уверена, что это был ты. Сейчас ты, наверно, едешь в поезде и, как и я, вспоминаешь, думаешь, мечтаешь. Как хорошо, что ты приехал. Ты не жалеешь?

Если бы ты знал, как я ждала тебя, как мечтала встретить, а получилось всё как-то безалаберно и, кажется, прибудь ты сейчас опять, всё было бы по-другому, Всё было бы лучше. Надо же было мне заболеть! И выглядела я плохо в последний день. Обидно. Мне кажется, ты остался недоволен мной. Да? Лёнушка, прости, если я обидела тебя. Честное слово, я не хотела этого. И всё-таки хорошо, что мы встретились. Это счастье. Мы будем жить этой встречей всё время, пока не увидимся снова.

Чувствую себя неважно, подташнивает, есть небольшая температура. Была у врача, завтра пойду на рентген. Сегодня такой же чудесный вечер, как и в предыдущие вечера, а тебя уже нет рядом. Как будет хорошо, если мы будем здесь жить, а все свои отпуска проводить где-нибудь на Руси или на море. Съездим в Переславль-Залесский, Углич, Новгород, Суздаль, Псков. Хочется побывать ещё в Ленинграде, Москве, а можно просто поехать в какую-нибудь деревушку, где есть лес, речка, и собирать грибы, ягоды, ловить рыбу. Здорово, правда? Да и мало ли на нашей земле мест, куда можно поехать.

А дома после работы по вечерам будем ходить в кино, на концерты, в театр, читать, изредка ходить в кафе, гулять, радоваться жизни, солнцу, первому снегу и любить друг друга. Что ещё человеку надо? Ты будешь работать, а я буду работать и учиться. Иногда я сомневаюсь, что поступлю, а иногда бываю в этом очень уверена… Я счастлива, что ты есть у меня, счастлива, что люблю и любима.

Целую. Вера. 04.05.1970 г.»

Это письмо написано в начале мая. Я ненадолго, на первомайские праздники прилетал домой. Нежное, доброе, откровенное письмо, какие писала моя жена. К сожалению, жизнь наша будет проходить в трудах, но много будет и прекрасных дней, потому что наши души любили друг друга и тянулись друг к другу, преодолевая различие характеров.

«Лёнушка, любимый мой, добрый вечер. Вот опять всё вошло в свою колею, так же как и раньше, занята с утра до вечера: курсы, репетитор, занятия, Сашуля.

Ты знаешь, когда писала первое письмо, даже не чувствовала, что ты уже уехал, казалось, будто продолжаю с тобой разговор. А все эти дни какое-то тоскливое настроение, хочется быть рядом с тобой, но я знаю, что за разлукой будет встреча, и мы будем счастливы. Это успокаивает.

Все мои мысли заняты тобой, нашим будущим, институтом. Маму с тех пор как ты уехал, не видела, так как она с Людочкой уехала в Ставрополь. В среду приходил папа. Я пришла с

курсов и застала его у нас. Сказал, что от тебя телеграмма, в которой просишь выслать Алику в Москву 30 рублей. Я сразу подумала, что ты что-то купил. А что? Может быть, себе костюм?

Лёнушка, а я купила себе босоножки — белые, лаковые, итальянские. Двадцать рублей было дома, а двадцать пришлось занять… С нетерпением жду твоего письма. Я знаю — оно будет чудесным, как многие твои письма… О лете мечтаю, как о каком-то чуде. Представляю, что ты защитил диплом, я поступила в институт, на душе легко. Так хочется хотя бы месяц пожить беззаботно: купаться в озере, загорать, ходить в кино, просто отдыхать и ни о чём не думать.

Завтра праздник. Сегодня везде митинги, несут цветы, венки. 25 лет со дня Победы. Завтра мужчины наденут мундиры, ордена, медали, которые весь год лежали где-нибудь в сокровенном месте, и с гордостью пройдут по улицам города. Завтра пойду с Сашулей к вам. Мама приехала, и поговорим обо всём, в том числе, как там Людмилу устроили, о тебе.

Лёнушка, как ты себя чувствуешь, как диплом? Вспоминаю встречу на вокзале, твой восторг, удивление, все наши дни и ночи. Лёнушка, родной мой, хочется, чтобы ты любил меня так всегда, хочется сказать тебе все нежные слова, какие только существуют в мире. Люблю я тебя. Очень люблю.

Целую. Вера. 08.05.1970 г.»

Письмо написано через четыре дня после того, как улетел. Удивительно, как Вера мягко, тактично, ласково и разумно пишет, а я в последующие годы забыл об этих письмах, которые характеризовали мою прекрасную жену.

«Добрый вечер, родной. Наконец собралась написать. Ночь. Все спят. С улицы доносится шелест листвы, кваканье лягушек в парке на пруду, шум проходящих трамваев, машин. Интересно, что ты сейчас делаешь? Может быть, читаешь, может быть, отдыхаешь или лежишь и мечтаешь о чём-нибудь.

Лёнушка, получила два письма. Это здорово, что ты купил костюм, который тебе нравится и хорошо пошит. Ну вот и сбылась твоя, хоть и маленькая, казалось бы незначительная мечта. Я представляю тебя в этом костюме. Мне кажется, он очень идёт тебе и ты в нём очень обаятельный. Конечно, мне будет лестно пройтись с молодым человеком «элегантным, как рояль». Лёник, я очень рада, что ты купил его. Правда. Когда сказала родителям, отец поворчал немного, почему не спросил разрешения.

Прошло почти десять дней, как ты уехал, и уже не верится, что ты был, что мы с тобой разговаривали, ходили в кафе, гуляли до двух часов ночи, что я прикасалась к тебе — всё как будто было во сне.

Как ты там, хороший мой? Лёнечка, если б ты знал, как боюсь за тебя. Как ты себя чувствуешь? Лёник, времени осталось мало… Как представлю, сколько тебе чертить, страшно становится. Ну вот, вместо того, чтобы поддержать, разнылась. Ничего, всё будет хорошо. Лёник, а мне-то, мне-то две с половиной недельки осталось. Настроение уже паническое…

Вот, что я узнала: эта женщина, с которой я занимаюсь, принимать экзамены не будет, но помочь сможет. Документов сдано ещё очень мало, к концу месяца, наверно, все ринутся сдавать.

Абитуриенты будут делиться на три группы: учителя со стажем, тоже учителя, какие не знаю, и все прочие, то есть воспитатели, пионервожатые, лаборанты, работающие в школах и другие. Я, конечно, буду в третьей группе… Там же, в институте, мне сказали, чтобы на сочинение обязательно брала шпаргалки. Я у одной знакомой девочки (она тоже будет поступать на заочное) взяла много сочинений. Все их перечитаю и хорошие перепишу. Я всё-таки надеюсь на поступление, так как, мне кажется, что больше двух человек на место не будет. Ох, как бы хорошо было поступить. Остальное зависит от тебя. Если тебе удастся перевестись, то я буду работать, а вечером учиться здесь, в Пятигорске.

Лёник, отец разговаривал с соседями по даче о тебе. В субботу он должен встретиться с одним инженером, и они поедут в Минеральные Воды вместе. Может, что-нибудь и удастся сделать… У мамы сейчас внезапная ревизия на работе, она там находится целыми днями. У нас дома всё по-прежнему. Я занимаюсь, хожу на подготовительные курсы, к репетитору. Но я тоже несобранная, тоже много времени даром теряю. В воскресенье приходила Люда Подцебнева, пошли с ней погуляли, поговорили. Встретили Валерку Мелика. Его же здесь в Бальнеологическом институте устроили. Такой хвастунишка: «Я занимаюсь геохимией, мой шеф, научная работа!» Говорит, что очень доволен. Ну, ещё бы!

Лёник, проявила две плёнки, как будто неплохо получилось и везде Сашуля. Я его тут в разных видах нащёлкала. До чего чудесный, забавный малыш! Растёт прямо на глазах. Лёник, а где же у нас плёнка «Ростовская», мы её проявляли или нет. У меня её нет.

Подстриглась ещё короче, мне идёт. На курсах теперь будем заниматься четыре раза в неделю. Надо ещё к Чебаковой сходить и взять у неё сочинения. По истории сказали, что будут спрашивать работы Ленина. Голова идёт кругом. Дома заниматься трудно, постоянно приходится отвлекаться. Что будет? Поступлю или нет?

Целую. Вера. 13.05.1970 г»

Да, тот светло-серый костюм мне шёл, я в нём прямо стал другим человеком. Купил его, чтобы хорошо выглядеть при защите дипломной работы. Вера его не видела, но написала удивительно точно. И, главное, она искренне радуется, что купил себе костюм. Не ей, а себе. Вся она видна и когда пишет про Мелика-Гусейнова не такой хвастун, а такой хвастунишка. В этом видно её доброжелательное отношение к людям и во многих письмах видно, что в ней осталось что-то от девчонки. Мелик присутствовал на поминках на сороковой день после смерти Веры.

«Лёнушка, любимый, хороший мой, добрый вечер.

Прошёл дождь, воздух пахнет свежестью, тополями, цветущей акацией. Сегодняшний день войдёт в нашу историю. Да, да! Правда!

Я сегодня самая счастливая женщина в мире. Я вообще счастливая, но сегодня особенно. Во-первых, сегодня наш Сашуля начал «говорить». Сегодня он сказал: «Ма-ма». Нет, Лёник, ты только представь, он сказал: «Ма-ма». Ему видно очень понравилось говорить, и он повторял это слово всё утро. Я была в неописуемом восторге, тормошила его, целовала, смеялась и просила: «Сашуля, ну скажи ещё». Потом он сказал и «ба-ба», и «па-па». Так и сказал: «папа». Затем весь день молчал, но это неважно — главное начало есть, и я уверена, что завтра утром, когда проснётся, он скажет «мама» или «папа». Он так смешно это произносит одними губками, по слогам. Растёт, растёт наш Сашок!

Вторая огромная радость — твоё письмо, милый. Я читала его и смеялась, и плакала от счастья. Ты моё чудо! Самое большое чудо в моей жизни! Разве можно не любить тебя, Лёнушка.

Когда я читаю твои письма, то кажусь себе женщиной, которую нельзя так любить, как любишь ты. Но с другой стороны, я чувствую себя гордой и уверенной в себе и счастливой, что люблю и любима.

Лёник, солнышко моё, любимый, как хорошо, что ты есть, как хорошо, что ты любишь меня. Как совпадают наши мысли буквально во всём, о чём ты писал и в отношении войны, и песен. Они мне также близки и дороги. Мы с тобой их не раз слушали вместе и пели. Слушая эти песни, тоже думала о тебе, и в отношении любви верно: если человек любит, то он любит всегда, что бы не случилось…

Вот сегодня я такая счастливая, весь день смеюсь, дурачусь. И так жаль, что тебя нет рядом. А ещё мне бы хотелось, чтобы ты видел меня такую со стороны, чтобы я об этом не знала. Я, наверно, тебе такая понравилась бы. У меня редко бывает такое настроение.

Лёник, а знаешь ещё какая новость? Ни за что не догадаешься! Алька с женой приехал… Может быть, споют (мои друзья Алик Шпилевой и Юра Лебединец):

Знаем мы, будет время,
В городе том далёком
Встретится наше племя
В хижине невысокой.

Вспомнят тебя, вспомнят, как было тогда вам хорошо вместе и как здорово, что на свете есть дружба.

P.S. Лёнушка, не сердись, милый, начала писать 14 мая, но не дописала и не отправила, письмо пролежало два дня, и вот сегодня решила закончить. Сегодня воскресенье, мы с мамой ездили на огород. Вчера была у вас. Ходила узнать, нет ли письма, рассказать, что Сашуля заговорил, спросить, как прошла ревизия, всё ли благополучно. На работе у мамы в аптеке как будто всё нормально, но с отцом они сейчас в ссоре по тем же причинам. Ниночка в этот день писала сочинение (предэкзаменационное).

Мама была выходная, а сегодня со второй смены. Заговорили об огороде, и я предложила свою помощь. Как хорошо за городом! Воздух прелесть, цветы кругом. Сады уже большие стали, все участки ухоженные, аккуратные».

Мне приятно, что иногда приносил жене радость, что пусть давно, но сказал своей жене, что люблю её больше жизни. Она не знала, не говорил ей о том, что любил её больше жизни всегда, и если бы, когда она сильно болела, можно было принять на себя её страдания, то без колебания принял бы и страдания, и смерть, лишь бы она жила.

«Мы с мамой пропололи всю картошку, некоторая уже цветёт, клубника цветёт, но мало. Деревца уже подросли, на многих есть яблочки. Всю неделю шли сильные дожди, но сегодня день хороший, я загорела, поработала с удовольствием. Всё-таки земля-матушка тянет, иногда хочется повозиться в ней и потом с удовлетворением увидеть результаты труда, почувствовать приятную усталость, разливающуюся по всему телу… После огорода позанималась с Ниной по английскому языку, помогла ей составить тему и немного сочинение о Ленине.

Лёнушка, осталось совсем мало времени у тебя, а у меня и того меньше. Ох, не поступлю я, наверно! Что тогда делать? Знаешь, иногда думаю, а не будешь ли ты жалеть, что не остался в конструкторском бюро (КБ)? Может, остаться пока там, до тех пор пока в Мин-Воды нужно будет много специалистов. Сделать так, чтобы тебя всегда имели в виду, и потом была возможность перевестись сюда. Лёник, ты ещё подумай. Это не говорит о том, что я не хочу жить в Пятигорске. Я хочу, чтобы тебе было лучше, и чтобы ты об этом не жалел. Ты пойми, я тоже мечтаю жить здесь, и мы обязательно продолжим свою жизнь в Пятигорске, но можно не сразу после окончания института. Единственное, что удерживает — это мой институт и Сашуля.

Сегодня Сашулю купали. До чего интересно! Сидит в ванночке такой довольный, ручками по воде бьёт, раскачивается, вертит головой, ловит в воде рыбку или утёнка и тоже ими по воде хлопает или в рот тянет. Когда губкой мою ножки, видно, щекотно, хохочет. Вчера прихожу от вас, а он сидит и лепечет. Теперь в его репертуаре «па-па», а про «ма-ма» уже забыл. Чудесный малыш.

Алик уже вчера уехал. Не повезло им — всё время лил дождь. Так они к нам и не пришли. Зашли вчера с Юрой попрощаться. Тебе огромный привет. Юра тоже едет с ними на несколько дней. Алик заходил к маме в аптеку. Люба маме очень не понравилась, она всё охает: «Да что же не мог он себе лучше найти, вот его мама расстроится». Уехали, так и не поговорили, а мне хотелось рассказать, как мы жили в Рыбинске, что видели, куда ездили. Ну, бог с ними, пусть едут, отдыхают, пусть у них всё будет хорошо. Да? А у нас цветёт акация и приторно пахнет,

как в истинном курортном городке. Опять полно курортников. Летает тополиный пух, и так здорово. Ночи сейчас лунные. Всё время жалею, что нет тебя рядом и что ты не видишь всей этой прелести, что мы далеко друг от друга и что мы вынуждены сейчас, когда душа куда-то рвётся, когда кругом такая красота, когда мы любим, делать то, чего нам совсем не хочется делать. Надо. Везде это надо. Надоело. Всё, всё нам мешает. Когда же, наконец, мы будем вместе?!. Хочу на море. Хочу с тобой на море.

Целую, Вера. 14—17 мая 1970 г.»

Первые листы данного письма отсутствуют. Вероятно, данное письмо является продолжением предыдущего письма, но уже не буду их объединять. Моя Верочка поработала с моей мамой на даче и очень довольна. Труженица. Всё в ней достойно одобрения. Вере очень хотелось остаться жить в Пятигорске, но она беспокоилась обо мне, чтобы мне было лучше, и чтобы потом не жалел. Ради меня она готова была оказаться от своей мечты жить в родном городе. Ей хотелось рассказать о наших путешествиях моим друзьям, но с ней не поговорили, и она пишет с обидой, но доброжелательно: «Пусть у них всё будет хорошо». А меня спрашивает, чтобы сказал своё мнение о причинах, по которым они быстро уехали и с Верой не поговорили. Скучает, милая, по мне. И потом мы будем вместе долго, долго, всю жизнь, и не раз съездим на море.

«Здравствуй, мой родной. Лёнушка, солнышко моё, читаю твои письма и всем своим существом чувствую, как тебе плохо, трудно, одиноко, холодно. Как тебе помочь, чем?..

Приезжали Надя с Витей. У них отпуск, решили съездить в Москву. Твоя мама дала адрес Галины, так как больше в Москве никого нет… Я попросила купить для Сашули пальтишко осеннее и костюмчик тёплый. На зиму Надя привезла для Сашули белую шубку Наташину. Одну зиму наш малыш проходит. Сашуля очень понравился. Говорят, что очень изменился с того раза, когда они его видели. Ну, ещё бы, растёт человек. Сейчас он здоровенький, кушает хорошо, пытается произносить слоги: ма, па, ба. Так до сих пор и не сходила с ним в поликлинику. Хотела отправить маму, но боюсь. Полторы недели, не переставая, лил дождь, а четыре дня назад был такой град, что уму непостижимо. Это было что-то ужасное…

Лёнечка, извини, но писать заканчиваю, так как надо ещё заниматься. О будущем остаётся только мечтать, а сейчас нам с тобой надо крепко потрудиться. Лёник, любимый, дорогой мой человек, только не падай духом, крепись…

Обнимаю, целую. Вера. 21.05.1970 г.»

Как верно моя жена написала, а сейчас нам надо крепко потрудиться. От нашего труда в то время зависела вся наша дальнейшая жизнь. Особенно от моего, так как после окончания авиационного института получал работу и приличную заработную плату.

«Добрый день, Лёник. Получила сегодня письмо. Хорошее письмо. Только должна заметить, что ты несправедлив, обвиняя меня в безответственности и легкомысленности по отношению к институту. И уж совсем напрасно ты вспоминаешь мою былую беспечность. Я далека от этого. А в институт хочу поступить, может быть, в сто раз сильнее, чем хочешь ты и родители.

В каждом письме я писала об институте, о том, что меня беспокоит, а ты вдруг заявляешь, что я не проявляю ни малейшей озабоченности. Один раз написала письмо, где не упомянула об институте, но ведь не всё время о нём писать. После всех разговоров, после того, как я занимаюсь на подготовительных курсах и с репетитором, ты вдруг спрашиваешь, хочу ли я вообще поступать. Даже странно, Лёня. Я и так обо всём забыла, и всё возложила на маму. Соседи даже говорят, что у меня не развит материнский инстинкт. Я знаю, что ты стыдишься моей профессии, и мне это неприятно…

Сегодня носила Сашулю в поликлинику. Какой он стал тяжёлый, руки устали. Девять килограмм уже весит, рост шестьдесят восемь сантиметров. Сделали прививку, через месяц надо будет делать вторую. Нет, Лёник, он начал говорить не рано. В это время детишки должны уже произносить отдельные слоги. Ведь ему завтра будет уже восемь месяцев…

Целую. Вера. 25.05.1970 г»

В данном письме моя милая жена мне достойно и справедливо ответила. Удивительно, но когда сейчас вспоминаю нашу жизнь, то с высоты сегодняшнего дня вижу, что Вера почти всегда была права. У меня огромное недовольство собой, и это тоже угнетает особенно потому, что ничего нельзя исправить.

В этом письме она была неправа только в одном утверждении: когда написала, что стыжусь её профессии медсестры. Данное утверждение появилось из-за моего высказывания в одном из писем. Фактически не стыдился, ни когда она работала акушеркой, ни когда она работала медицинской сестрой. Написал сгоряча, а в действительности мне на ум не приходило стыдиться, что жена работает по указанным специальностям.

И не из-за стыда направлял жену в институт, а потому что кроме специальности учёба в институте всесторонне развивает человека, он больше видит и понимает в жизни, становится интереснее. Но главное, чего, возможно, не понимал, но чувствовал что с такой уникальной, доброй душой, какой обладала Вера, надо работать с детьми, и они пронесут привнесённое учителем добро через всю жизнь. Вера тоже об этом догадывалась и в одном из писем писала. Так оно и вышло. Окончив институт, она пошла работать по призванию, и последние дни жизни смотрела не наши фотографии, а фотографии своих учеников. Они её помнили и навещали.

«Лёнушка, здравствуй. Только сейчас пришла из института. Занималась на курсах и сдала документы. Приняли!!! Это очень хорошо. Уже повесили расписание экзаменов и консультаций:

1-го июня — английский язык;

3-го июня — сочинение;

6-го июня — русский язык и литература (устно);

9-го июня — история СССР.

Как видишь, нас решили не баловать. Дали только по два дня на подготовку. Зато сдадим (дай бог), и гора с плеч. И надеюсь, и сомневаюсь, и боюсь. Лёник, ты не представляешь, как я боюсь! Ну, ничего, будем надеяться, что всё будет хорошо. Лёник, когда сдавала документы, то все удивлялись, что я замужем. Такая-то девчонка, и замужем. Потребовали копию свидетельства о браке. Лёнечка, посмотри в наших бумагах, а если там нет, то пойди, пожалуйста, в нотариальную контору, где памятник Ленину, да ты, конечно, сам знаешь, где она, и заверь копию. Когда я устраивалась на работу, то снимала копию, но сейчас не помню одну или две. Знаю, что тебе дорога каждая минута, и не хотела бы отрывать тебя от дела, но это необходимо сделать. Хотела дать телеграмму, но, подумала, что раньше понедельника ты копию всё равно не заверишь, а письмо должен получить в воскресенье. В понедельник снимешь копию, заверишь и сразу же отошлёшь. Хорошо?

Лёнечка, получила письмо. Именно такое, какое хотела. Спасибо, мой родной. Лёник, как ты там? Ведь и тебе осталось до защиты полмесяца. Как продвигается работа над дипломом? Как здоровье? После сдачи первого экзамена дам телеграмму, а письмо напишу после сочинения. Лёник, не волнуйся — телеграмма, наверное, придёт вечером, так как мы сдаём с четырнадцати часов. Очень устала и чувствую себя неважно, но думаю, что это от усталости. Сашуля после прививки чувствует себя хорошо. Такой малыш! Чудо! Просто невозможно передать все его проделки, жесты, болтовню. Лёник, ну всё. Пожелай мне удачи.

Целую, Вера. 28.05.1970 г.»

Читаю письмо с болью, что была моя милая Верочка, и нет её, и с нежностью. Я тогда же написал очень хорошее письмо, может быть, самое хорошее изо всех моих писем, но оно не дошло, вероятно, потому, что вместе с письмом положил в конверт копию свидетельства о браке.

2.2. Письма, написанные Верой в июне и июле 1970 года

«Добрый вечер, Лёнушка. Ну вот, я и сдала уже два экзамена. Осталось ещё два. Теперь они кажутся самыми страшными, но всё-таки теперь легче. Первый экзамен сдала на хорошо, какая оценка будет за сочинение не знаю. Сначала о первом. Лёник, ты представить себе не можешь, как я была счастлива, когда сдала английский.

Пошла в числе первых, чтобы скорей отмучиться. Всё утро перед экзаменом была спокойна, а как начала одеваться, разволновалась. В институте немного успокоилась, а когда вошла в аудиторию, опять разволновалась. Села, читаю и не могу ничего понять, но потом взяла себя в руки, времени было достаточно, стала готовиться. Принимали так: сначала надо было только прочитать необходимый отрывок, потом страницу только переводить, затем к прочитанному тексту поставить несколько вопросов, раскрывающих смысл прочитанного текста. Читали «Цитадель» А. Кронина, американского писателя. Книга нетрудная, разрешали пользоваться словарём. Принимали экзамен две женщины, причём очень строго.

Когда я читала, одобрительно кивали головами, когда начала переводить остановили на половине текста, задали несколько вопросов. Потом я вытянула билетик с предложениями, перевела их правильно. Всего у меня спросили четыре предложения. Тему устную не спрашивали, а задавали вопросы типа: «Кем работаете в школе, какая семья, из скольких человек состоит, есть ли дети?» Здесь я немного запуталась: сказала, что семья состоит из трёх человек, а когда начала перечислять, то получилось больше, и вместо восьми месяцев сказала восемьдесят. Видимо, от волнения, от неумения сосредоточиться. Но в целом ответ выглядел неплохо.

Знаешь, Лёник, я на пятёрку и не надеялась, а тройку не хотела получать. Всё-таки у меня было мало времени для подготовки к экзаменам. Четвёрка — это хорошо, я рада. А ты? После экзамена сразу пошла на почту, дала тебе телеграмму, потом ходила к тебе домой, сказала родителям, что английский сдала. Они меня поздравили. Ниночка в этот день писала сочинение… А Сашуля наш как будто чувствовал, что я сдала хорошо экзамен, обрадовался мне, когда пришла, и был весёлый всё время… Читаю (литературу) и как-то всё воспринимаю по-новому, не так, как в школе, всё интересно, хочется читать, учить, узнавать как можно больше.

Сегодня писали сочинение. Я писала образ Ленина в поэме Маяковского «В. И. Ленин». Писала легко, шпаргалкой пользовалась в основном, чтобы списать цитаты. Написала четыре листа, но учти, что много места занимают стихи Маяковского. Проверяла несколько раз… Думаю, что меньше четвёрки не получу.

Вчера получила от тебя письмо. Спасибо тебе, милый, за твои чудесные, такие нежные, такие прекрасные письма, за то, что ты есть на свете вот такой необыкновенный, и ты любишь меня. Лёнушка, ты всё хочешь, чтобы я была счастлива. Я ведь счастлива тем, что люблю тебя и твоя любовь для меня счастье…

Осталось совсем немного, Лёник. Ты всё сделаешь, всё успеешь, всё будет хорошо… Я так рада, что у тебя чертежи получаются хорошие. Конечно, лучше обратить внимание на внешнее оформление, ведь оно прежде всего будет бросаться в глаза, а записку, расчёты может и читать не будут…

Целую. Вера. 03.06.1970 г.»

Это письмо написано вначале июня. Вера начала сдавать вступительные экзамены в Пятигорский педагогический институт иностранных языков. Тогда экзамены сдавали приёмной комиссии института, в который хочешь поступить. На мой взгляд, это было правильно, так как институт отвечает за подготовку специалистов и ему решать, кого принимать на учёбу. Сейчас, кого принимать на учёбу, решает школа и наличие необходимого количества денег у родителей. На дневном отделении стипендию платили такого размера, что её хватало на оплату жилья и питание. В основном питались в столовой.

Читаю Верины письма и ловлю себя на мысли, что даже не знал, что уже в двадцать три года жена у меня была достаточно эрудированной и умной. И она же училась в институте и все последующие годы продолжала развиваться, а мне и через пятьдесят лет казалось, что она многого не понимает. Но не Вера, а сам многого не понимал и, главное, не понимал высокого уровня мышления, культуры, интеллигентности своей жены.

«Лёнушка, солнышко, ура, я сдала последний экзамен. Не могу поверить!.. Билет по истории попался очень лёгкий:

1. Первобытнообщинный строй в нашей стране.

2. Освободительное движение 30-50-х годов 19 века.

3. Международное совещание коммунистических партий 1969 года.

Никак не ожидала получить четвёрку… Билет был нетрудный (по русскому и литературе):

1. Лирика Пушкина.

2.Обличение капитализма в пьесе Горького «На дне».

3. Члены предложения.

4. Разобрать предложение.

На первый вопрос ответила хорошо, на второй плоховато. Не знаю, почему. Ведь знаю пьесу и все образы. По русскому языку третий вопрос ответила хорошо, предложение разобрала правильно, схему начертила верно, но неверно охарактеризовала вид и неверно ответила на дополнительный вопрос. Ну, ничего. Всё равно пройду, но было очень обидно…

Да, Лёнушка, это будет чудесно, если мы будем жить в Пятигорске. Я буду учиться вечером. Устроюсь работать где-нибудь в школе. Я уже мечтаю, вижу себя среди ребят и боюсь, смогу ли я стать хорошим педагогом с моим характером, будут ли любить меня дети, найду ли с ними общий язык? Всё это меня очень занимает. Надо много знать, быть очень эрудированной и уметь рассказывать, чтобы дети хотели слушать. Может быть, здесь я найду себя.

P. S.

11.06.1970 г. Сегодня было собрание. Зачитали приказ о зачислении. Я студентка! Столько наговорили, что стало страшно. Трудно будет».

Вера поступила в институт. Вот какая умница была моя жена. Но читаю и слёзы на глазах, и очень жалею, что нам всегда было некогда, что мы не читали этих писем, когда Вера была жива, не смотрели наши фотографии. Знаю, что после прочтения писем, просмотра фотографий носил бы мою жену, моё сокровище на руках, и она была бы счастлива. Но, видимо, она не решалась отвлекать меня от дел, а сам не догадался.

Печатаю письмо в значительном сокращении. Надо сказать, что мне намного быстрее и легче писать заново тексты, чем печатать письма.

«Добрый вечер, Лёник. Ты занят дипломом, я — институтом, и мне кажется, что мы както отдалились друг от друга. Правда? И только в глубине души затаились и любовь, и нежность, и ожидание…

Вчера все читали твоё письмо. И радостно, и беспокойно за тебя, больше беспокойно. Это хорошо, что ты уверен в себе, это главное. Рады, что машина получилась у тебя красивая. Дай бог, чтобы на защите всё было хорошо. Ты у нас умница, всё выдержал. Сегодня у вас уже началась защита. Удачи вам, тебе, милый.

Мне предстоит трудный месяц. Сегодня были занятия: история КПСС и две пары английского языка. Преподавателем английского остались очень недовольны… Мы заочники, нам нужна крепкая основа, а она нам её не даёт. Я уже думаю, может быть перевестись в другую группу. Так скучно её слушать, после занятий ужасная неудовлетворённость. А может, это только начало, потом будет лучше.

Этот месяц очень напряжённый. Будут занятия каждый день, даже в воскресенье. Каждый день по четыре пары. Сегодня вывесили расписание. Будут читать лекции по истории КПСС, психологии, введению в языкознание (очень сложный предмет), латинскому языку и больше всего лекций по английскому языку — по 2—3 пары в день. Кроме того, надо ведь не просто посещать лекции, надо к ним готовиться. Пятого июля будет зачёт по введению, а пятнадцатого — по английскому языку. Завтра с утра пойду в библиотеку, потом на прослушивание, потом на занятия. День будет загружен до предела.

Бедной маме опять достанется и за этот месяц. Боюсь, Сашуля отвыкнет от меня. Если бы ты его видел, Лёник, какое это чудо! Он становится всё лучше и лучше. Тётя Шура сказала, что очень похож на тебя. Уже сам просится ходить, сидеть никак не хочет.

На стене висит вырезанный из журнала портрет девочки. Когда его спрашиваешь: «Сашуля, а где ляля?» Он сразу поворачивает к ней головку, начинает улыбаться, тянуть ручки. И на руки уже просится: протянет ручки и смотрит в лицо, бери мол. Господи, какое счастье, что он у нас есть, наше маленькое чудо, наш малышечка…

Мне всё равно, где жить, лишь бы с тобой, лишь бы тебе было хорошо. Все трудности можно преодолеть, если вместе.

Лёнушка, милый, я знаю, как тебе сейчас трудно, как ты нервничаешь, волнуешься, и я вместе с тобой переживаю, волнуюсь. Я с тобой, любимый.

Лёник, старайся быть спокойным, не горячись, а то нервы могут не выдержать. Всего хорошего.

Целую. Вера. 15.06.1970 г.

Мама передаёт привет и желает успеха».

В письме моя славная жена пишет: «… отдалились друг от друга. Правда?» И ей хочется, чтобы я написал, что неправда, что очень её люблю, всё время думаю о ней и скучаю.

Но для себя успокоения в письмах не нахожу, а, напротив, горюю, что Веры уже нет, а сам всю жизнь недооценивал жену. Она работала, готовила еду, стирала, мыла посуду, растила сына и ещё ходила в институт на вечерние занятия по английскому языку (училась она заочно с вечерним посещением занятий по английскому языку), готовилась к экзаменам и успешно их сдавала. Она была достойна огромного уважения и восхищения её трудолюбием и способностями. Но я был занят работой, другими делами и многого не понимал. Не помню даже, чтобы вечером встречал жену из института, и неприятно мне за себя.

А Вера была очень скромной и самостоятельной. Она не умела и, видимо, не хотела превозносить свои заслуги, как делают многие люди, даже когда заслуги незначительные. Но таким занятым и непонимающим мужьям, каким я был, надо постоянно говорить о своих заслугах на работе, дома, в институте, о выполняемых объёмах домашних работ. И если бы она говорила о себе, то намного больше её бы ценил и уважал. Но моя любимая меня оберегала и всё молча тащила на себе одна. Она постоянно беспокоилась обо мне, но не беспокоилась о себе. Таких людей на свете очень мало. И я сегодня чувствую себя виноватым перед моим ангелом-хранителем, перед моей женой, и никогда себя не прощу за непонимание и недостаточное внимание к прекрасной во всех отношениях женщине, с которой мне посчастливилось прожить жизнь.

«Добрый вечер, любимый… Я до сих пор не могу привыкнуть к тому, что я студентка. Получила студенческий билет и зачётку, хожу слушаю лекции и учу дома. Всё меня так захватило, так увлекло. Всё очень интересно. Новые предметы: психология, языкознание и другие. Сколько я узнаю, разве сама когда-нибудь смогла бы?! А как мне нравится заниматься языком!

Есть удачи и неудачи, что-то получается, что-то нет. Надо много работать, вот единственный залог успеха, способности у меня есть и преподаватель нередко хвалит меня. Заниматься приходится много, к вечеру очень устаю, а тут ещё уже неделю плохо себя чувствую, так как

простудилась, сильно болела голова, зубы. Ничего страшного, а неприятно, когда чувствуешь постоянное недомогание и устаёшь быстро, и настроение в связи с этим плохое.

Лёнушка, как хочется в день защиты диплома быть рядом с тобой, поддержать тебя… Всё-таки наши родители молодцы, и я поступила в институт благодаря им, особенно мамам. А Сашуля всё полнеет, такой «толстячок», тяжёлый стал, подвижный, такой непоседа, уже встаёт в коляске. За ним теперь только смотри. И всё время что-то лопочет, в основном различные слоги. Слова, конечно, ему ещё говорить рано.

Почти каждый день идут дожди, но бывают и хорошие дни и вечера. Часто вспоминаю Рыбинск, всё-таки он мне понравился, особенно природа. Вспоминаю все наши походы, прогулки… Ну, ничего, Лёник, это же всё временно. Скоро мы опять будем вместе.

Ещё раз желаю успеха в день защиты. Мы все будем «болеть» за тебя.

Ни пуха, ни пера!!!

Целую. Вера. 20.06.1970 г.»

Сердце замирает от таких писем, и нет слов, чтобы выразить восхищение своей женой. Кроме того, видно, что Вера тянулась к знаниям, ей нравилось слушать лекции в институте, и мешали только домашние заботы и плохое самочувствие, что явилось следствием огромного напряжения физических и духовных сил, когда Сашуля болел и потом при подготовке к поступлению в институт и сдаче вступительных экзаменов. А как ярко, с какой любовью моя жена пишет о нашем сыне! Всё замечает. Она полюбила природу средней полосы России, как и сам люблю её всю жизнь. Это ещё раз подтверждает родственность наших душ. Ждёт, успокаивает себя, что разлука временная, что скоро снова будем вместе, и желает мне удачи. И я знаю, что желает удачи всем сердцем, всей душой, а не только написанным словом. Тогда говорили именно так: «Ни пуха, ни пера», а сейчас говорят: «С богом», но это не значит, что люди стали лучше и ближе к богу. Такое милое создание, как моя жена, выросла в атеистическом СССР, в котором жили по христовым заповедям в виде «Морального кодекса строителя коммунизма», а сейчас многие живут по волчьим правилам капитализма, хотя и ходят в церковь.

«Лёнушка, милый, добрый вечер. Весь день ждала телеграмму, но увы. Вот уже полночь, а её так и нет. Не знаю, что и думать, но не смею думать о самом плохом. Надеюсь, что всё хорошо, и завтра, может быть, будет телеграмма, а если нет, то тогда уже письмо. Так мучительно ждать, и я, наверное, завтра закажу разговор.

Лёник, солнышко моё, родной, любимый мой, как ты там? Хочется плакать. Мне почему-то кажется, что тебе сейчас очень плохо, совсем плохо, ты одинок, или, может быть, наоборот, очень хорошо, ты счастлив, тебе легко от сброшенного груза. Если первое, то я грущу с тобой, а если второе, то я радуюсь вместе с тобой и тоже счастлива.

Мучает неопределённость. Что с тобой? Как защитил? Лёник, что же ты молчишь? Приходила Людочка, сказала, что маме снился плохой сон. В такие минуты начинаешь верить и снам, и приметам… Лёник, может быть, тебе неприятно, что пишу сейчас о делах, и это, может быть, не соответствует твоему настроению, но это необходимо, так как мне хочется, чтобы ты всё побыстрее закончил и приехал. Очень соскучилась по тебе. Лёнушка, получила письмо. Спасибо, милый. Именно таким, каким ты описал себя, и представляла тебя. Хороший мой. Ну, ничего, теперь всё позади. Вымоешься, приведёшь себя в порядок. Ну и брюки. Смешно и удивительно. Только их и хватило на четыре месяца.

Лёник, сегодня Ниночка сдала физику на четыре. Вообще, она умница, хорошо сдаёт экзамены. Теперь ей осталось сдать только английский язык. Лёник, есть возможность устроиться в семнадцатую школу лаборанткой, а ещё обещали устроить в детский сад. Как ты считаешь, куда лучше?.. Может быть, ты сейчас, как и я, пишешь мне письмо. Но почему нет телеграммы? Возможно, ты перенёс защиту на другой день? Сижу и теряюсь в догадках. Я всё-

таки завтра же закажу разговор, иначе у меня не хватит терпения ждать. Без него не обойтись — письма идут долго.

До встречи, милый. Целую, Вера. 24.06.1970 г.

25.06.1970 г. Утро. От тебя ничего нет. Почему ты молчишь, Лёня?!»

Не помню, почему не сообщил ни жене, ни родителям, что хорошо защитился, но думаю, что произошло это не по моей вине. Я и сейчас переживаю и жалею мою милую, нежную, любимую Верушку, что ей пришлось так сильно волноваться. Она пишет: «солнышко моё», а совсем недавно она начинала свою речь словами «солнце моё». Например: «Солнце моё, ты почему не выключил свет в туалете». Видимо, она решила, что слово «солнышко» больше подходит для женщины, и это верно. Но как приятно, когда тебе пишут: «Солнышко моё, родной, любимый мой». Моя Вера очень нервничала, но при этом сохраняла присущую ей тактичность, интеллигентность и готовность разделить со мной самые трудные испытания. Какое счастье, что в молодости встретил мою Верушку, которая стала моей женой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.